

9. VIII.

3348

33

58

Совершенно секретно.

РАСШЕПЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ -

тов. С Т А Л И Н У. -

Направляю Вам записки и копию заявления осужденного ЗИНОВЬЕВА, Г.Е., который нами возвращается в Верхнеуральский концлагерь особого назначения для дальнейшего отбывания наказания.

Вызывался в Москву в связи с заявлением арестованной ВУЙОВИЧ.

Свидание с сыном ему предоставляется. -

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР: *Г. Ягода* (Г.ЯГОДА)

"16" июля 1935 г.

№ 56471.

7 1

НАРКОМВНУДЕЛУ - тов. Я Г О Д А.
ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЮ - тов. АГРАНОВУ
тов. МОЛЧАНОВУ.

1. Прилагаемые записки я убедительнейше прошу Вас направить И.В.СТАЛИНУ. В Советском Союзе каждый имеет право писать ему. И хотя мои преступления перед партией и перед тов.СТАЛИНЫМ огромны, я очень прошу, горячо прошу не отнимать это право и у меня. Я знаю как суров и беспощаден тов.СТАЛИН к врагам партии, но я - бывший враг. Я раскаялся в своих преступлениях до конца. И это дает мне надежду, что посылаемое мною будет прочтено тов.СТАЛИНЫМ.

2. Я обращаюсь с горячей просьбой к Наркомвнуделу. Тов.МОЛЧАНОВ 29-го июня сказал мне, что мое московское пребывание кончается и, что я буду скоро направлен назад в В.-Уральский изолятор. И вот я решаюсь просить НКВД - не найдет ли он возможным направить меня вместо этого в какой - либо трудовой концлагерь, где я мог бы хоть сколько-нибудь работать (по линии культурно-просветительной или конторско-канцелярской или хозяйственной). Я прошусь в такой концлагерь, где возможна ходьба, некоторое общение с заключенными и хоть какая-нибудь работа. В этом было-бы единственное спасение, хоть на некоторое время.

Я задыхаюсь в одиночной камере - в полном смысле этого слова. Один я быстро чувствую, как быстро иссякают последние мои физические силы. Читать мне становится

все труднее. Сон крайне плох. Не буду уже говорить о степени нервного напряжения, доводящего меня до галлюцинаций и пр.

Товарищи! Родные! позвольте мне так обратиться к Вам, несмотря ни на что! Если Вы уделите хоть одну минуту внимания моему несчастному, моему трагическому положению - пожалуйста, молю вас подумайте о следующем: многие и многие из вас сидели годами в одиночках, в каторжных тюрьмах и т.п. в царские времена. Но моральный фактор действовал совсем иначе. Ну, а я теперь! Дело не только в лишении свободы, болезнях и пр. Дело не только в материальной обстановке. Дело прежде всего - в моральном факторе. Я убит, я совершенно убит. И хоть некоторое время я мог-бы протянуть только в концлагере, с возможностью работы и передвижения (ходьба-мое главное спасение от болезней уже давно).

Я отдаю себе конечно отчет в том, сколь тяжело было мое преступление против партии. Я отдаю себе отчет в том, что пролетарский суд приговорил меня - и вполне справедливо и заслуженно к наказанию, только на одну ступень ниже высшей меры и, что стало-быть я должен страдать. Но то, что есть теперь, выше всяких моих сил.

- 3 -

Прошу Вас, умоляю - ускорьте мою отправку, если возможно, я не знаю подозревают-ли меня в том, что я что-либо еще знаю такое, что не хочу сказать следствию. Опровергнуть мне такое мнение ничем невозможно. Неужели я буду что-либо утаивать, когда дело дошло до такого кошмара, как преступление Ник. РОЗЕНФЕЛЬДА!

3. Прошу также разрешить мне хоть одно свидание с моим сыном. Осужденный на такой долгий срок и едва ли имея надежду его еще когда-либо увидеть, я молю не отказать в этом. Если возможно, прошу разрешить 2-3 свидания с ним.

10 июля 1935 г.

Г.ЗИНОВЬЕВ.
(Камера 96).

Если моя отправка в трудовой концлагерь сейчас невозможна, я прошу вернуть меня в Верхне-Уральский изолятор и дать мне хотя-бы надежду на то, что через некоторое время я буду переведен в трудовой концлагерь.

Взрно. Оадр. Утол. Зсно. ВЗР. СС. ВЗР. СС.

28 62

Моя горячая просьба - переслать эти записки
И.В. СТАЛИНУ.

В течение нескольких месяцев содержания моего в
одиночном заключении во внутренней тюрьме НКВД, я все
время думал о составлении документа, который я про себя
называл своею исповедью. Сначала я долго не имел ни
карандаша ни бумаги. Затем я получил карандаш и 5 стра-
ничек бумаги. Стал писать на клочках вырванных из книг
в надежде на то, что эти черновики я затем переработаю
и выражу полнее то, что у меня лежит на сердце. Я все
надеялся, что мне удастся сделать это до конца. Но силы
все падают и падают. Все на что теперь хватает моих сил
- это переписать все ~~то~~ как оно было набросано на клоч-
ках. Получится только кусочек того, что я хотел выразить,
только кусочек исповеди. Если буду еще иметь возможность
выполню свое намерение так, как задумал его.

Я не делаю себе иллюзий. Еще в начале января 1935
года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. ЕЖОВ, присутство-
вавший при одном из моих допросов, сказал мне: "Полити-
чески Вы уже расстреляны". Это было сказано абсолютно
верно. Тем более верны эти слова теперь, спустя полгода.
Политически я уже расстрелян. Я знаю, что и физическое
мое существование во всяком случае кончается. Один я
чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои

5

силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось.

Выразить на бумаге все то, что я сейчас чувствую и переживаю, я не в состоянии. Нет сил, Нет сил. В том, что я написал в этих несчастных и бледных записках, нет и 1/1000 того, что у меня лежит на сердце. Если-бы Вы видели меня, если-бы Вы захотели заглянуть в мою душу, Вы убедились- бы тот час, что перед Вами человек раскаявшийся до конца.

У меня нет иллюзий. Я знаю, что Вы мне не верите. Я посылаю эти записки для того, чтобы: 1) Вы их прочитали и может быть хоть немного измените свое мнение о теперешнем ЗИНОВЬЕВЕ и 2) с надеждой на то, что может быть через несколько десятков лет они будут преданы гласности в каком-нибудь историческом журнале. И пусть останется хоть это. Все-же лучше, чем ничего.

Я не допускаю и в мыслях своих ни одного слова, которое было бы направлено на то, чтобы ослабить мою вину и мои преступления, представить их меньше, чем они есть. Да и как это возможно было-бы.

Только о снисхождении, только о милости смею я просить.

Я сознаю, что пролетарский суд судил меня вполне правильно и вполне заслуженно. Я понимаю, что как

ни глубоко мое раскаяние, факт остается фактом: КИРОВА нет! Благородная кровь этого прекрасного сына партии, одного из ее лучших вождей, пролита руками фашистских выродков, которые в свое время были "воспитаны" мною. КИРОВА нет! - с этой мыслью я ложусь и просыпаюсь каждый день. Этот острый как игла укол совести будет сопровождать меня до могилы.

Я знаю, что после всего случившегося - написанное мною Вы можете и просто бросить в корзину, не читая. Но я умоляю Вас прочесть посылаемое. Я умоляю Вас поверить искренности того, что здесь сказано.

11 апреля 1935 года.

Я получил карандаш и могу записывать.

Следствие об'явило мне, что брат КАМЕНЕВА Николай РОЗЕНФЕЛЬД уличен и сознался в том, что он, желая "мстить" за своего, якобы невинно осужденного брата, готовил покушение на И.В.СТАЛИНА. Вот до какого ужаса, вот до какого кошмара дошло дело! От этого ужаса стынет кровь в жилах - в буквальном смысле этого слова. После убийства С.М.К. - покушение на И.В.С.! Вот уже с месяц как следствие мне это сказало и еще не было минуты, что-бы мысль об этом кошмарном злодеянии перестала жечь мой мозг.

7

Я встречал Ник. РОЗЕНФЕЛЬДА у КАМЕНЕВА. Если я когда либо вообще думал о Ник.Р., то думал как о простом обывателе и "тюфяке", б.или м.равнодушном к политике. Но конечно Ник.Р. годами знал о моей близости с его братом КАМЕНЕВЫМ и знал о том, что КАМЕНЕВ и я враждебны были линии ЦК, враждебны СТАЛИНУ. И вот оказывается, что этот человек (если его можно теперь назвать человеком) нацелился в самое сердце партии и мог причинить такие неисчислимы бедствия и несчастья, при одной мысли о которых сердце готово разорваться.

Я не знаю конечно никаких подробностей. Знаю только то, что прочел мне из показаний Ник. РОЗЕНФЕЛЬДА следователь. Но мне ясно, что это злодеяние, предпринятое человеком близким к КАМЕНЕВУ, во всяком случае бросит и на меня еще более зловещую тень, чем это было до сих пор.

Такова логика вещей. Начав борьбу против парт. руководства, покотившись затем по к-р.наклонной плоскости, я через такого близкого мне прежде человека, как КАМЕНЕВ, оказываюсь известным образом связанным и с Ник.Роз. Такова расплата мне. Нет слов, что бы выразить стыд, боль и ужас охватывающие меня при мысли об этом.

- 5 -

Надо мне до самого конца, до последней пылинки отряхнуть прах с ног своих от проклятого антипартийного прошлого. Порвать с преступным прошлым в самой окончательной и демонстративной форме.

Все о чем еще вспомню (до мелочей) сказать следствию.

Если будет к тому физическая возможность, написать книжку - исповедь: историю всего происшедшего вложить персты в язвы; рассказать все с фактами и деталями в руках; нарисовать яркими красками всю картину разложения оппозиции; найти такой язык, чтобы довести тяжелый урок до ума и сердца каждого".

Насколько я понял из слов следователя, к КАМЕНЕВУ тянется еще нить связей различных "бывших людей", более или менее буржуазных знакомых и т.д. В этом я лично неповинен. К этому, как многие из Вас знают, у меня никогда душа не лежала. У КАМЕНЕВА - же подобные знакомства действительно бывали.

14 апреля.

При всех обстоятельствах мне осталось жить во всяком случае очень недолго: вершок жизни какойнибудь, не больше.

Одного я должен добиться теперь: - что-бы об

этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося, раскаялся до конца, сказал Советской власти абсолютно все, что знал, порвал со всем и со всеми кто был против партии и готов был все, все, все сделать, чтобы доказать свою искренность.

14 апреля.

В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет этого требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я плачу при мысли о том, что эти строки могут не дойти до Вас вовсе. А если дойдут - Вы можете им не поверить (заслуженное наказание за двурушничество). Но мне легче, когда я говорю себе, что строки эти дойдут до Вас и раскаянию моему Вы поверите. Я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов П.Б. портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, что я понял все, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождения.

1 мая 1935г.

В тюрьме НКВД, Москва.

Впервые я участвовал в проведении маевки в 1902г. - 33 года тому назад. В 1906 г. я был один из организаторов маевки в СПб. В 1908г. я сидел 1-го мая в "Крестах". И вот, 1 мая 1935г. я - в советской тюрьме. Я сижу один. Тяжело бьется сердце. Больно до невыразимости. Но мне в камеру доносится отдаленный гул ликующих рабочих советской столицы. А я отдавший, казалось мне, всю сознательную жизнь делу рабочего класса, я сижу и с мучительным сознанием своей вины вывожу эти строки! Может ли быть нечто более горькое, более страшное! И мне хочется крикнуть прежде всего Ц. К-ту, ленинскому штабу, И.В. СТАЛИНУ: товарищи (молю Вас, позвольте мне в этот день так назвать Вас), родные, загляните в мою душу, взгляните на мое раскаяние, на мое бесконечное, безвыходное горе! Один день - 1 мая 1935 г., который я провожу в этой обстановке стоит многих лет наказания. Молю Вас всех: может быть несмотря на мою гигантскую вину Вы все-таки найдете возможным дать мне выход, открыть мне возможность хоть немного загладить мою страшную вину перед партией.

Я ищу слов достаточно сильных, чтобы хоть отдаленно передать как жжет меня мысль о совершенных

мною преступлений перед партией, как безгранично мое раскаяние. Но нет сил, нет сил. Каждый поворот ключа в дверях моей камеры отдается как поворот ключа в моей грудной клетке. "Ты же умер" - говорю я себе "Ты умер еще 1 декабря 1934 г. в тот самый день, когда твои бывшие товарищи" и "ученики" предательски и гнусно убили одного из лучших вождей партии, одного из лучших сынов Сов. Союза, С.М. КИРОВА. "Ты умер" - этим неизменно заканчивается каждая моя дума в эти бесконечно трудные для меня дни. Смотри, если можешь, со стороны как доканчивается твое физическое существование, а во всех других отношениях ты умер".

И все-таки из глубины измученного сердца не раз подымается волна горячей любви ко всем Вам. Я плачу и плачу. Я говорю себе: если бы я был в тюрьме скажем как Тельман или Ракоши, конечно, я должен был бы найти в себе силы держать себя как подобает. А я! Я осужден (и вполне, конечно, заслуженно) судом рабочего класса, я осужден судом партии, которую я до последнего своего вздоха буду чувствовать и воспринимать как свою партию. Ну где же взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...

Что именно хочу я написать в эти дни? Исповедь - исповедь перед Вами, перед всеми рабочими, перед

всеми товарищами. Написать бы ее кровью своего сердца. Нет сил...

6 мая 1935г. И.В. СТАЛИНУ.

И до меня дошла Ваша речь на выпуске академиков Кр. армии. Она поистине потрясает своей силой. Как же должна была она потрясти меня, читающего ее в моих нынешних обстоятельствах. Со дна души поднимается то (м.б. и немного только) хорошее, что было заложено и во мне. Эта речь будит только хорошее в каждом, кто не закоренелый враг, кто не погиб окончательно для рабочего дела. Я много преступил против партии, против парт. руководства и против Вас лично тов. СТАЛИН! В течение ряда лет я шипел против Вас, повторяя к.-р. хулу троцкизма против лучшего и серьезнейшего продолжателя дела В.И. ЛЕНИНА. В те годы, когда необходимо было "вооружиться крепкими нервами, большевистской выдержкой и упорным терпением", в те годы, когда под Вашим руководством проводилась работа, которая решила судьбы большевизма и тем самым судьбы всего - я делал все, чтобы мешать этой работе, подталкивать руку державшую руль, травить людей, грудью своей прокладываявших дорогу социализму. На этом черном пути я дошел до того, за что советская власть осудила меня на 10 лет тюрьмы,

-10-

дошел до той или иной связи с людьми, имена которых позорно повторить на бумаге.

Я перечитываю еще и еще раз эту Вашу речь. Она смотрит так далеко; в ней кроме всего прочего развито так много великодушия, истинного великодушия победившего пролетариата к заблудшему, но незакоренелому врагу; в ней так много доброты к человеку, что мне хочется броситься на колени перед Вами и сказать Вам: - я понял и прочувствовал то преступное, что я сделал. Перед Вами не враг, а бывший враг, внутренне сдавшийся до конца. Я понимаю конечно, что неизбежное возмездие за политическое двурушничество состоит прежде всего в том, что тебе перестают верить даже когда ты говоришь правду. Но я молю Вас: загляните в мою душу - я полон раскаяния. Смешно мне думать, что я обману теперь власть и Вас лично. Дайте мне надежду, что Ваше великодушие распространится когда либо и на меня. Только великодушия, только пощады, только снисхождения и могу я просить.

Если бы мог мечтать написать уроки всего случившегося со мной, изложить это в книжке, найти такой огненный язык, который проник бы в сердце народа! Если бы я мог мечтать, что когда-нибудь это буду читать! Если бы я мог надеяться, что когда-нибудь мне будет дано хоть в малой степени загладить свою вину!

В тюрьме со мной обращаются гуманно, меня лечат и т.д. Но я стар, я потрясен. За эти месяцы я состарился на 20 лет. Силы на исходе. Зрение слабнет с каждым днем. Читать мне становится все труднее. А без чтения - полная гибель в тюремном заключении для меня. Помогите! Поверьте! Не дайте умереть в тюрьме! Не дайте сойти с ума в одиночном заключении. Дайте мне рассказать всю историю оппозиции, переросшей в контр-революцию - рассказать так, чтобы это потрясло всех и излечило многих. Дайте этим послужить рабочему делу! Дайте и мне вслух и от всего потрясенного сердца присоединиться к общему кличу: да здравствует товарищ СТАЛИН!

12-18 мая 1935г.

Мне часто кажется теперь, что главная моя беда сейчас заключается в том, что я не могу, не в состоянии ни написать как следует, ни устно высказать все, что я передумал, перечувствовал, все что я вижу, сознаю, понимаю теперь. Все знают, что я умел и говорить и писать и формулировать и помнить. Но я сейчас настолько подавлен случившимся, убит горем, обессилен, что еле пишу и еле говорю.

Когда я брожу по своей камере, у меня иногда готово вылиться горячее и мне кажется убедительное

изложение того, что я пережил, переживаю, к чему я пришел. И я думаю: если бы мне дано было 1 час стоять перед Вами лично, говорить Вам лично все, все - Вы увидели бы, что я не враг больше, Вы бы пощадили и дали бы мне какой либо выход, какую либо возможность работать для дела. Но когда я берусь за перо (за карандаш, ибо пера и чернила не имею) - все выходит у меня бледно, сухо, мучительно, трафаретно. Преодолеть свое состояние не могу. Нет сил. Слишком, слишком ужасно то, что произошло. Слишком, слишком кошмарно то, чему я стал невольным и вольным виновником.

Я бы отложил всякое писание - чтобы после изложить все в более спокойном состоянии. Но откуда возьмется это последнее? Если мне и дано еще жить некоторое время - состояние мое все равно может только ухудшаться: результат не столько даже тюремного заключения, сколько морального состояния. Вот почему я тороплюсь написать нижеизложенное - пока я чувствую себя в ясном состоянии рассудка.

У меня нет иллюзий. Я знаю, что Вы не склонны будете мне поверить. Но Вам дано видеть людей насквозь. Да и не трудно после всего случившегося "расшифровать" каждое мое слово и видеть степень моего чистосердечия. И я хочу одного: чтобы руководители партии и прежде всего тов. СТАЛИН, против которого я так

много преступил, знали каков политический итог моих размышлений. Я хочу чтобы когда-нибудь все рабочие узнали к чему я в конце концов пришел.

Я говорил правду на суде в Ленинграде, что в последние годы (после 1932 да бывало и раньше) мною переживалась большая внутренняя борьба, внутренние колебания; то мне становилось почти совершенно ясной правота ЦК; правота тов. СТАЛИНА против всех моих "установок", то какойнибудь отдельный пункт "взрывал" меня опять против ЦК и при моих старых привычках, озлобленности и различных недостатков делал из меня опять врага. Каков же окончательный итог моих размышлений в течение 6-ти месяцев тюремного заключения? ½ года - срок небольшой. Но, во первых, для меня это было время которое стоит иного десятилетия. А, во вторых, я уже сказал, что состояние мое вероятно будет еще ухудшаться и надо мне торопиться написать свои итоги сейчас.

20 мая 1935г.

Каков же мой итог?

Все, абсолютно все, что я пытался противопоставлять линии партии, оказалось сплошь ошибочным, анти-советским. Незадолго до ареста я пробовал цепляться за то, что коминтерновская работа проводится будто бы

17

неправильно. В особенности - де во. Франции, где как я утверждал, инициатива в проведении единого фронта будто бы перешла к социалистам. И что же? Прошло с тех пор немного более полугода и фактами же неопровержимо доказано, что и это неправда, что фр. компартия растет и крепнет. Так во всем - в большом и малом.

Условно всю гигантскую работу, которую ведет ЦК ВКП(б) можно подразделить на три больших, громадных отрасли: 1) Внутренняя политика (включая сюда всю хоз. политику, культурн. работу и пр. и пр.); 2) Внешняя политика; 3) Международное рабочее движение. Все анти-парт. оппозиции (в особенности троцкистов.) оспаривали генеральную линию сталинского руководства во всех этих трех областях. И что же? Подлинная правда, подлинная победа Ц.К.-та доказана теперь во всех этих трех областях. В первых двух отраслях она уже настолько очевидна, что никакие споры просто уже невозможны. Но теперь совсем уже недалеко время, когда и в третьей отрасли работы правда ЦК, правда СТАЛИНА будет доказана столь же неопровержимым, столь же блестящим образом. Мне ясно теперь, что ближайшее время вполне докажет, что и в этой области делается именно так и именно то, что по сочетанию всех фактов надо делать. И - делается правильно, в тех темпах и пропорциях как нужно для дела теперь.

15
76

Если бы после смерти В.И. партия в оценках НЭП"а, путей индустриализации, политики в деревне, внутри-парт. политики и т.д. сделала хоть малейшие уступки тр.-зин. идеям - страна не имела бы не индустриализации, ни коллективизации, не имела бы нынешней Красной армии и авиации и дело социализма в СССР было бы погублено. Раньше я "утешал" себя софизмом, будто достигнутое можно было получить на других путях, более "экономно" и пр. Все это оказалось к.-р. клеветой на партию.

Если бы иностранная политика СССР после смерти В.И. не оказалась в руках СТАЛИНА и руководимого им ЦК - мы давно имели бы войну и при том в очень неблагоприятной несколько лет тому назад для СССР обстановке.

Если бы в вопросах междун. рабочего движения партия и КИ сделали хоть малейшие уступки тр.-зин. идеям, мы имели бы ряд авантур, но не имели бы прочного роста коммун. влияния во всем мире, не имели бы красных армий и советских районов в Китае, не имели бы великоленных компартий в ряде стран. Избежать фашистского переворота в Германии на путях тр.-зин. тактики не только не было возможно, но наоборот: именно тр.-зин. "тактика" привела бы к гораздо более прочной победе герм.фашизма. Эта "тактика"

19

помогла бы фашистам физически истребить весь комму. рабочий авангард и подорвать влияние герм.-компартии на долгий срок.

Каждого из этих пунктов в отдельности достаточно было бы, чтобы загубить советскую власть, а тем более всех их вместе взятых.

Взять хотя бы такой элементарный вопрос, как вопрос о партидисциплине. Неужели трудно было мне понять что после смерти В.И. необходима не меньшая, а еще большая дисциплина, более строгая борьба против левейших элементов фракционности! А что делала далее все "лучшие" времена тр.-зин. оппозиция, что делал, в частности, я? Если бы под руководством Сталина не был дан железный отпор всем "оппозициям" - партию неизбежно ожидал бы провал. Если бы после смерти В.И. партия пошла по пути "свободы" фракцией и группировок, советскую власть давно бы слопал буржуа, российский кулак в союзе с японцем, в союзе с английским твердолобым империалистом и т.п.

Таков итог, который я подвожу - на этот раз без обманов и самообманов, без задних мыслей, оговорок и внутренних колебаний. Чтобы не случилось со мной лично, я хочу, чтобы когда-нибудь об этом моем итоге узнали все рабочие.

Дело в том, что мои исходные "позиции" были анти-ленинские, а затем стали и прямо контр-революционные

Я этого не хотел, но это было так. Дело в том, что сначала я "только" потерял компас. Сначала со мной случилось "только" то несчастье, что оружие ленинизма выпало из моих рук. Вся моя "аппаратура" оказалась непригодна. А затем я покатился все больше вниз, стал исполнителем социального заказа чуждых классовых сил. Я "утешал" себя раньше тем, что политич. двурушничество есть будто бы результат будто бы неправильного "режима". Я вижу теперь ясно, что политическое двурушничество есть на деле социальный продукт к.-р. сил, есть социальный заказ анти-пролетарских сил, социальный заказ остатков чуждых классов. Подлинный ленинизм - эта та работа, которую вел и ведет ЦК партии и возглавляющий эту великую работу великий человек, имя которому СТАЛИН. В этом все дело. Не уметь видеть и понимать то, что находилось несколько лет тому назад еще "в реторте" истории (индустриализация, коллективизация и т.д.) - в этом было главное мое несчастье в самом начале моей антипартийной борьбы. Ну, а затем пошло со ступенки на ступеньку и я доказался до прямой к.-р. За такие "ошибки" и преступления платить надо по меньшей мере уходом навсегда от политической работы, а мне - и большим.

23 мая.

Еще о Коминтерне - специальную демагогию развондили я и мне подобные по вопросу о Коминтерне. На деле и в этой области СТАЛИН повел дело единственно правильным, в нынешней обстановке, путем. В чрезвычайно сложной и трудной обстановке, сложившейся накануне и после фашистского переворота в Германии, малейшее вспыхко-пускательство только страшно желало бы опасность войны, помогло бы Гитлеру, помогло бы крайним империалистско-фашистским элементам в других странах (прежде всего - Япония). Линия КИ, как она определена СТАЛИНЫМ, помогает борьбе против войны, отвоевывает на путях единого фронта с.-д. рабочих и беспартийных, помогает созданию подлинно закаленных компартий, помогает проникновению идей б-изма в самую толщу рабочих масс Европы и всего мира. Успехи соц. строительства в СССР, развивающиеся столь чудесно, делают теперь для коммунистич. завоевания масс в Европе и во всем мире неизмеримо много. Моя клевета относительно французского движения разоблачена полностью и опровергнута фактами. Французская компартия растет как никогда, ее влияние в рабочих массах стало гораздо большим. Ф.К.П. становится первостепенным фактором во всей политической жизни Франции. Междун. рабочее движение проходит

через труднейший этап. Результаты правильной тактики КИ скажутся не сразу. Но несомненно, что только в лице Ст. международное комму. движение имеет надежного кормчего, гениального руководителя, стратега, являющегося достойным преемником В.И. ЛЕНИНА.

24 мая. О Троцком.

Я догадываюсь, что этот господин теперь меня "защищает" за границей, т.е. пытается использовать судебный процесс против меня и др. - в своих к.-р. целях. Если бы я мог я плюнул бы теперь в лицо публично этому г-ну. Если бы я мог что либо сделать, чтобы нанести как можно более сильный политический удар к.-р. Троцкому я сделал бы это в любой момент.

Я уже писал в Ленинграде после суда надо мной (в связи с выступлением французских реформистских профсоюзных вождей), что приговор мне и тем кто судился по одному со мной делу считаю вполне заслуженным и справедливым. Дальнейшее только подтвердило это. "Защита" со стороны Троцкого только увеличивает мой позор.

Скажу о прошлом своем отношении к Тр.

Когда в начале моей антипарт. борьбы обо мне сказали, что я перешел на сторону троцкизма, я

считал это "клеветой". А между тем это было именно так. Методы личной травли вождей большевизма, в первую очередь СТАЛИНА, тоже первый ввел Троцкий. Конечно, это ни на йоту не облегчает моей вины, но это так. Разорвав с Троцким я не освободился от влияния троцкизма даже тогда, когда стало уже слишком ясно, куда пришел Троцкий. "Вот не хотел человек попадать в к.-р. лагерь, а попал в него; и все же в его критике много верного" - так "определял" я свое отношение к Троцкому еще в 1934 году. Я не соглашался с его "положительной" программой, но в его "критике" мне многое нравилось и в 1934 году, когда я в ИМЭЛ читал его "бюллетени". В душе жило известное сочувствие его "идеям". Одним из главнейших несчастий в моей жизни является то, что после смерти В.И. я сблизился с Троцким, т.е. сблизился с ним как раз в тот период, когда он стремительно возвращался на свои старые меньшевистские позиции и становился передовым бойцом контр-революции.

В Верхне-Уральске, где я пробыл 3 недели, я попал в общую прогулку с группой троцкистов. Это были троцкисты - "середняки", их "актив". Соприкосновение с ними просто ужаснуло меня. Насколько это насквозь враждебный мирок, насколько это оголтелые враги партии, насколько это люди, забывшие даже, что есть

24

на свете большевизм.

Будь прокляты Троцкий и троцкизм! Если я еще когда бы то ни было смогу помочь поставить этого контр-революционера к позорному столбу - это доставило бы мне громадное удовлетворение.

26 мая. При чтении газет.

Если бы я не был так измучен, если бы перо мое (карандаш) не было сейчас так бессильно, если бы я в состоянии был на бумаге выразить то, что я чувствую и переживаю, читая изо дня в день наши газеты; этого одного было бы достаточно, дорогие, чтобы Вы видели всю глубину моего раскаяния, всю мою сердечную привязанность к тому делу, которым Вы руководите. Я читаю "от доски до доски" каждую строчку. Я со слезами радости переживаю каждый успех страны и я люблю безгранично все это. И сердце обливается горячей кровью по поводу того, что я по своей вине отброшен от всего этого и вредил этому, сам того не желая. И щемит такая беспредельная, такая безисходная тоска.. Если бы я мог работать хотя бы для одного колхоза где нибудь на отдалейнейшей окраине!... Если бы я мог заслужить прощение!... Если бы!... Сжальтесь! Сжальтесь, тов. СТАЛИН, надо мною. Стоя у самой, самой пропасти, молю о снисхождении.

15 июня.

Отыскивая теперь корни своих ошибок, своего сползания затем в трясину контр-революции - я вижу ясно, что одной из причин моей катастрофы является недостаточно кровная связь моя с большевистскими кадрами (не взирая на столь долголетнее пребывание в рядах б-ков). Я не был в царских ссылках и почти не был в царских тюрьмах. Я слишком долго прожил в эмиграции. Я слишком молодым попал в ЦК партии (мне было 23 года, когда я был избран в ЦК). Я слишком мало знал подлинную Россию. И в характере моем было слишком много ломкого, нервного, не закаленного. Конечно, все это было поправимо, если бы... если бы по собственной вине я не сошел с большевистских рельс.

В последнее десятилетие я по своей вине оторвался от основных кадров большевизма - как старых большевистских кадров, так и растущих и выросших более молодых кадров. Я относился свысока к людям, которые на деле давно уже переросли меня, ибо они шли вперед в то время, как я шел назад.

Рядовая масса большевиков, его организаторы, бойцы, строители - простые, мужественные скромные и честные пролетарские революционеры, отдающие жизнь за идеи Маркса-Ленина - после смерти В.И. действовали так как им подсказала подлинная борьба за коммунизм. Там, где я и мне подобные слепо и высокомерно видели "механическое подымание рук под давлением аппарата", на самом деле крылось истинно-партийное, истинно глубокое и честное, истинно-ленинское понимание задач партии и честная преданность делу.

Именно этот основной костяк простых и мужественных пролетарских революционеров после смерти Ленина горячо и беззаветно поддержал его лучшего и преданнейшего продолжателя - СТАЛИНА. Поддержал против всех и всяких оппозиций и оппозиционеров.

18 июня.

Ведь это факт: не только на XIV с"езде, но и на XIII и на XII с"ездах / XII с"езд впервые заседал без Ленина / основные кадры большевистской партии дали ясно понять, что в СТАЛИНЕ и только в СТАЛИНЕ они видят единственного, кто способен сменить Ленина у руля, если партию постигнет такое несчастье, что она лишится Ленина. СТАЛИН скромно не брал на себя политотчетов на XII и XIII с"ездах. Но основные партийные кадры, представленные на этих с"ездах, именно в СТАЛИНЕ уже тогда видели единственного возможно-го преемника В.И-ча. Основные кадры большевистской партии не ошиблись. А вот же кто /как я/ не захотели это принять и упорствовали в этом, - те неизбежно оказались в лагере врагов партии, а значит и врагов революции.

Борьба всех " оппозиций " против СТАЛИНА была на деле борьбой против партии, ибо после смерти В.И-ча СТАЛИН является наиболее ярким воплощением партии, ее признанным вождем и учителем.

Я сознаю, конечно, что в моем теперешнем положении говорить большие слова о СТАЛИНЕ имеет нехороший привкус. Не об этом меня спрашивают. И слишком легко заподозрить меня в том, что я говорю эти запоздалые слова только для того, чтобы облегчить

свою участь. Однако передо мной две опасности: одна - указанная; другая - та, что меня сочтут закоренелым врагом / таким же как Троцкий/ и что подлинный итог моих размышлений так и не узнают, что найдутся такие преступники, которые называя себя "зиновьевцами" и впредь будут совершать черные преступления, что я умру / один, я чувствую, как силы мои изсякают с каждым днем/ не сказавши ясно к чему же я пришел окончательно, после того как НИКОЛАЕВЫ и РОЗЕНФЕЛЬДЫ совершили свои кошмарные преступления.

По совести я должен сказать перед смертью: СТАЛИН, один только СТАЛИН и его ближайшие соратники знали дорогу после Ленина и сумели повести по ней партию и рабочий класс. Эта дорога была не легкой. Легкой она не могла быть. "Легких" дорог для построения социализма в такой стране, какой была СССР, вообще нет. Я же и мне подобные, об"ективно только мешали, только путались в ногах, а затем пытались прямо вырывать руль из рук ЦК и / хотели мы этого или нет/ помогали классовому врагу, были его агентурой, стали орудиями контр-революции.

Счастье для партии, для К.И., для пролетариев всего мира, что после ухода В.И. Ленина дело оказалось в руках СТАЛИНА и его ближайших соратников. Счастливы тот, кому дано жить, работать и бороться под руководством СТАЛИНА. И в области внутренней и в области внешней политики, и в хозяйственной работе, и в области

культуры, и в сфере теоретической и в сфере практической, и в годы мира и в случае новой войны - СССР и международный пролетариат имеют и будут иметь в СТАЛИНЕ руководителя, который твердой рукой поведет рабочий класс по пути Маркса-Ленина. Мне это счастье-работать в общих рядах, под руководством СТАЛИНА - уже не дано. Но мне доставляет внутреннее облегчение сказать хоть тут о том, что я чувствую.

На меня продолжают смотреть как на не сдавшегося / по крайней мере, до конца не сдавшегося / врага и мне не верят. А между тем я то знаю и чувствую, что я не враг больше. Когда я читаю материалы, посвященные юбилею 1-й конной армии / я читал их по дороге из Верхнеуральска в Москву /, когда я читаю о встрече членов ЦК / со СТАЛИНЫМ во главе / 1 мая 1935 г. в Кремлевском дворце с лучшими бойцами наших вооруженных сил - меня охватывает энтузиазм и я забываю на минуту, что я узник, что я заслуженно осужденный преступник. Этому не поверят. И пусть свершится со мной до конца то, чего я заслужил своими прежними преступлениями против партии. И оно совершится конечно. Но пусть бездна товарищи, что я раскаялся до конца, что если бы теперь от меня что-нибудь зависело, я бы отдал все, все за ЦК, за СТАЛИНА, за дело большевизма.

Следствие конечно требует от меня не лирики, а фактов. Но все, что я помнил - я сказал, вплоть до мелочей.

Неужели перед лицом такого ужаса, такого ада кро-
мешного, такого гнуснейшего преступления, как то, что
мне сказало следствие о преступлении Николая РОЗЕНФЕЛЬ-
ДА - я не сказал бы все что знаю и помню!

Я могу сказать себе только одно: на колени перед
большевистской партией, на колени перед ее ЦК и И.В.
СТАЛИНЫМ, вождем и учителем трудящихся всего мира!
В ком осталась еще хоть капля честности, кто подлин-
но раскаялся в своих преступлениях перед партией, тот
должен поступить именно так. И то что партия и соввласть
с каждым из нас после этого сделает, то и будет пра-
вильно. На колени перед величайшим из вождей междунаро-
дного коммунизма после Ленина! На колени перед любимей-
шим вождем и учителем народов СССР и перед его сорат-
никами! Если интересы рабочего класса это допускают, ЦК
партии, И.В. СТАЛИН дадут раскаявшимся снисхождение,
выход, спасение. Да, на колени перед партией, перед тем
ее вождем, который принял руль из рук Ленина и доводит
дело этого величайшего гения до победного конца! Страш-
но и подумать, что было бы с Советским Союзом, что
было бы с партией, если бы во главе дела после Ленина
не стал СТАЛИН. Никакие " оппозиции", никакие угрозы,
никакая травля не смогли остановить этого великого
вождя, поистине достойного приемника ЛЕНИНА. Чем боль-
ше было трудностей, тем ярче разгоралась творческая
работа, разгорался великий гений СТАЛИНА. СТАЛИН и
его ближайшие соратники совершили чудеса. Они отстоя-
ли наследие Ленина от всех покушений. Они приумножи-

жили это наследие в громадной степени. И нет никакого сомнения в том, что сталинское руководство обеспечит победу и в международном масштабе.

Прошу Вас, товарищи, прошу Вас, родные, поверить мне, что до последнего вздоха я буду относиться с бесконечной любовью к партии Ленина-Сталина, что где бы и как бы ни пришлось расставаться с жизнью я буду умирать с чувством безграничного раскаяния за все то зло, которое я причинил, с заветом всем и каждому - идти по пути партии Ленина - Сталина, любить генеральный штаб великой партии, оберегать этот штаб как зеницу ока и следовать за ним, как один человек в большом и малом.

22 июня 35 г.

Я в камере прочитал речь С.В. КОССИОРА. Десятки раз перечитал эти строки - все с большим ужасом и оцепенением.

Повидимому кто-то дал такие показания против меня!

Что делать? Как крикнуть Вам через стены одиночки, что такие показания - жуткий вымысел? Как пережить это?

Я обратился через низшую тюремную администрацию /единственно доступную мне/ к Наркомвнуделу т. ЯГОДА с просьбой вызвать меня для личного заявления. Писать об этом нет сил. А если не вызовет?... Что делать?

24 июня.

Через надзирателя мне передано, что буду вызван завтра или послезавтра.

30 июня.

Вчера был вызван. Со мной говорил т. МОЛЧАНОВ по поручению Наркома. Сделал ему устное заявление по поводу сказанного в речи С.В. КОССИОРА.

Писать об этом нет сил.

Взрно: Олдр. Утлн. Эсно Фурманов.